

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций

English version: [Andreeva G.M. Towards the problem of identity crisis amid the social transformations](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждается методология и инструментарий междисциплинарного исследования кризиса идентичности в современном обществе. Особое внимание уделяется характеристике идентичности в условиях радикальных социальных преобразований в России. Анализируется проблема социальной травмы. Подчеркивается необходимость изучения нарушений самоидентификации одновременно в рамках двух дисциплин: социальной психологии и патопсихологии.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, социальные трансформации, кризис идентичности, социальная травма, социальный контекст

В сравнительно недавно вышедшей на русском языке книге известного социолога Зигмунда Баумана утверждается, что «исследования идентичности становятся сегодня независимой и быстро развивающейся отраслью (знания); происходит нечто большее, и можно сказать, что «идентичность» становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [Бауман, 2002, с. 176]. В полной мере можно отнести это высказывание и к характеристике ситуации в России.

Рост интереса к проблемам идентичности в последние годы – знаковая черта большого комплекса различных дисциплин, не только общественных (социологии, политологии, этнологии и др.), но и естественных (прежде всего медицины). Особое место в рамках данного комплекса занимает психология (как, впрочем, и вообще в системе наук!). Это обусловлено тем, что в широких рамках психологического знания достаточно естественно объединение таких двух подходов, которые позволяют всесторонне исследовать вопрос о том, в чем причины и каковы механизмы такого явления, как затруднения в установлении *самоидентичности* личности в современных обществах. Эта проблема как минимум имеет две стороны, поскольку трудности могут возникнуть как результат изменения социальных условий существования человека и как результат патологических изменений его состояния. Именно в последнем случае, как правило, говорят о *нарушениях* идентичности, поскольку здесь легче сопоставить «норму» и «патологию».

Существование двух форм идентичности – социальной и личностной – допускает рассмотрение каждой из них с точки зрения и того и другого типа изменений. Соответственно, допустимы (и возможны) две плоскости изучения проблемы и подходов к ней со стороны двух различных психологических дисциплин: социальной психологии и патопсихологии.

В истории науки есть солидная традиция обращения к проблеме идентичности. Сам по себе факт связи между двумя сторонами идентичности – социальной и личностной – был в свое время достаточно подробно исследован Э.Дюркгеймом. Не касаясь сейчас всего содержания его концепции, выделим ту ее часть, которая прямо и непосредственно относится к разработке проблемы соотношения двух упомянутых факторов «нарушения» самоидентичности.

Одной из центральных идей Дюркгейма была идея *социальной солидарности* как важнейшего

условия функционирования общества, поскольку именно ее существование обеспечивает социальный порядок, сплачивает общество, обеспечивает успешное социальное взаимодействие между людьми и возникновение коллективного сознания. «Солидарное бытие», по мнению Дюркгейма, – высшая цель человечества, своеобразный критерий исторического прогресса. Только такие условия, когда люди связаны между собой культурными нормами, правилами и ценностями, позволяют достичь гармоничного социального существования. Но это и означает возможность адекватного осмысления личностью своего существования в социальной реальности. Когда же эти условия теряют свою ценность, наступает состояние **аномии**, нормативной неурегулированности, разрушения этого солидарного бытия. Возникают различного рода аномалии, которые проявляются в различных видах девиантного (отклоняющегося) поведения, в том числе в большом числе самоубийств, порожденных утратой человеком ощущения прочного места в окружающем мире.

Соответственно, если стабильность общества («солидарность», по Дюркгейму) утрачивается, то для человека оказывается утраченным и значение существующих социальных рекомендаций. При этом возникает своеобразный «личностный» ответ на условия, сложившиеся в обществе. Статистика самоубийств, по мнению Дюркгейма, и есть показатель аномального состояния общества [Дюркгейм, 1994]. Из различных видов самоубийств Дюркгейм выделяет именно *аномическое* самоубийство, которое связано как раз с потерей человеком ценностей в тот период развития общества, когда в условиях его трансформации старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не сформировались. Если рассматривать самоубийство как патологическую форму утраты личностью своей идентичности, то подход Дюркгейма убедительно показывает связь некоторого состояния общества и меры разрушения самоидентичности как определенного феномена патопсихологии. Тем самым обусловлена методологическая перспектива одновременного (и сопряженного) исследования двух сторон затруднения самоидентификации в двух ветвях психологического знания.

В настоящем фрагменте мы коснемся, прежде всего, той стороны вопроса, которая связана с социальными условиями, приводящими к «нарушению» процессов самоидентификации. Для этого необходимо обозначить некоторые основополагающие принципы исследования проблемы идентичности личности, как они были представлены в классических теориях социальной психологии. В психологии У.Джеймса в качестве составных элементов личности были названы: 1) физическая личность, 2) социальная личность и 3) духовная личность. При характеристике первых двух элементов по существу вводились понятия, обозначающие две стороны осознания личностью своей «особости»: своя «тождественность» (неповторимость, «отдельность» от других) и осмысление своего места в социуме, среди других людей [Джеймс, 1991]. Можно предположить, что здесь присутствует в первом приближении различие личностной и социальной идентичности.

В современной социальной психологии идея социальной идентичности получила всестороннюю разработку. Наиболее полно она представлена в работах А.Тэшфела (*теория социальной идентичности* – Social Identity Theory) и его ученика и последователя Дж.Тернера (*теория самокатегоризации* – Self-categorization Theory) [Tajfel, Turner, 1986]. В отличие от *личностной* идентичности, что означает способность индивида осмыслить не только свою «особость», но и поддерживать свою «целостность», Тэшфел определяет социальную идентичность как осознание личностью своей принадлежности к социальной группе и признание эмоциональной значимости такой принадлежности (см. подробнее [Андреева, 2005]).

Важнейшим инструментом осуществления социальной идентичности является процесс **социальной категоризации**, в ходе которого индивид упорядочивает свое социальное окружение в терминах выявления различных групп (категорий), «помещения» себя в одну из них (собственно процесс идентификации) и отождествления с ней (достижения идентичности [Агеев, 1990]).

В теории социальной идентичности Тэшфела педалирована прежде всего идея *межгрупповых отношений*: при идентификации индивид сопоставляет *свою* группу с *другими* группами, и сам факт принадлежности к группе как к некоторой категории обуславливает социальную идентичность (так называемая *минимальная групповая парадигма*) [Стефаненко, 2001]. Естественно, при этом неизбежно возникает потребность в **социальном сравнении** «своей» группы и «чужой» группы, хотя противопоставление такого плана может носить и более сложный характер: не просто «свой» – «чужой», а, например: «свой» – «другой» – «чужой» – «враг», классификация, часто употребляемая в современных исследованиях «образа врага». Тем не менее идея межгруппового сравнения достаточно

отчетливо прослеживается в рассуждениях Тэшфела о социальной идентичности.

Важным компонентом теории Тэшфела является идея *множественной идентичности*, то есть допущение того, что индивид может одновременно осознавать свою причастность многим социальным группам, поскольку он точно так же одновременно играет в жизни не одну, а много социальных ролей (в одно и то же время является и отцом, и бухгалтером, и игроком волейбольной команды и пр.) Это обстоятельство важно учитывать, в частности, при решении проблемы «трудностей» понимания собственной идентичности, часто трактуемых как «нарушения». При множественной идентификации справедливым и уместным является упоминание лишь *одной* из идентичностей в какой-либо конкретной ситуации: если, например, игрок волейбольной команды в кругу своих спортсменов начнет идентифицировать себя как «отец двоих детей» или как «переводчик», то будет ли это «нарушением» идентификации? На наш взгляд, как уже отмечалось, скорее это будет элементарное «затруднение», естественное для самого процесса.

Логически связана с теорией Тэшфела концепция его ученика и последователя Дж. Тернера – теория самокатегоризации [Turner, Oakes, 1989]. Для Тернера личностная и социальная идентичность не столько различные формы идентичности, сколько различные формы самокатегоризации: личность «помещает» себя в континууме ближе то к одному, то к другому из полюсов идентификации. Иными словами, важно выяснить, как *отдельная личность* идентифицирует себя, как в ней соотносятся личностный и социальный уровни идентичности: «...теория самокатегоризации, – утверждает автор, – основана на том, что социальная идентичность распространяется и на личное «Я», что социальные нормы определяют и формируют активность личного «Я» и наоборот» [Тернер, 2003, с. 216].

Таким образом, установлено, что существует связь процесса самокатегоризации и его *влияния* на различные внутригрупповые процессы. Так, например, групповая сплоченность есть результат «влияния сходства, воспринимаемого всеми членами группы, между их «Я» и другими членами группы; сходства, возникшего вследствие образования определенной социальной категории, включающей всех членов данной группы». В конечном счете в теориях Тэшфела и Тернера обсуждаются два вопроса: а) о том, как при определении индивидом себя соотносятся такие показатели, как *сходство* людей, принадлежащих к *одной* группе, и *различия* людей, принадлежащих к *разным* группам, и б) о том, как проявляют себя *различия* между людьми, принадлежащими к *одной и той же* группе.

Впрочем, и в том, и в другом случае отчетливо зафиксирована несомненная важность для личности обладания *позитивной идентичностью*, ибо только это формирует определенное *социальное самочувствие* человека и позволяет ему ощущать себя комфортно в окружающей его социальной реальности. Но дело, разумеется, не просто в комфортности, но и в поведенческих последствиях тех или иных проявлений самоидентификации. Сопоставление своей группы идентичности с другими группами служит основанием для стратегии взаимодействия между ними. П.Бергер и Т.Лукман делают вывод: «...идентичность как элемент *субъективной реальности* [курсив мой. – Г.А.] находится в динамической взаимосвязи с состояниями общества, она формируется в процессе освоения индивидом социального мира, одновременно проявляющего себя в нем и усваивающего этот мир в качестве значимой реальности» [Бергер, Лукман, 1995, с. 29]. В последние годы проблема социальной идентичности все чаще рассматривается в контексте психологии социального познания [Augoustinos, Walker, 1995; Андреева, 2005].

Специальное внимание проблеме идентичности уделено в концепции Э.Эриксона, где идентичность определяется как «субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самоидентичности и непрерывности, постоянства некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [Эриксон, 1996, 2000]. Процесс формирования собственной идентичности сопровождает человека на протяжении всей его жизни. В «эпигенетической концепции жизненного пути человека» Эриксон среди выделенных им восьми возрастов человека отмечает те «точки», где с особой ясностью проявляют себя проблемы становления идентичности, поворотные пункты, на которых изменяются представления о ней.

Так, на *подростковой* стадии и в *юности* (11–21 год) наблюдаются два механизма формирования идентичности: а) проецирование вовне смутных представлений о собственной идеальности («сотвори себе кумира»); б) негативизм по отношению к «чужому», подчеркивание «своего», боязнь

обезличивания, усиление своей «непохожести». По мнению Эриксона, трудность в выборе идентичности на этой стадии приводит к «психосоциальному мораторию» – утрате чувства «дома», психологического благополучия. Вторая стадия – молодость (22–35 лет), период, совпадающий с такими событиями в жизни молодого человека, как поиск друга, возможно, будущего спутника жизни. События эти связаны с повышением значимости *другого* человека и готовностью «смешать» свою идентичность с другим в противовес отчаянному отстаиванию ее на предшествующей стадии. Все это и означает критический поворот в становлении идентичности, то, что Эриксон обозначает как *кризис идентичности* (термин, первоначально введенный в психиатрии). И, наконец, третья стадия – «зрелость» (после 35 лет), когда можно констатировать второй этап кризиса идентичности, при котором «устанавливается» окончательная конфигурация идентичности в связи с переосмыслением человеком его жизненного пути. Разработанная Эриксоном концепция кризиса идентичности вышла далеко за пределы возрастной психологии.

Интересно, что по поводу понимания идентичности и, особенно, ее кризиса Эриксоном существует критика его позиции Э.Фроммом. Общая концепция Фромма требует особого рассмотрения, здесь же важно выделить его трактовку проблемы идентичности: «Из множества ответов на этот вопрос я хотел бы остановиться только на той формулировке, которая под идентичностью понимает способность человека легитимным образом определить свое «Я», причем под словом «Я» нужно понимать организующий активный центр всей моей *проявляемой и потенциальной деятельности*» (курсив мой. – Г.А.) [Фромм, 1999, с. 132]. Последний акцент чрезвычайно важен, поскольку предлагает переход от осознания личностной тождественности к проявлениям «Я» в системе социальных отношений. И именно в этой связи Фромм упрекает Эриксона за то, что последний «рассуждает об этой проблеме не так глубоко, как это необходимо для полного понимания феномена идентичности и кризиса этого феномена». При этом имеется в виду как раз недоучет специфики проблемы именно в *современном* обществе, под которым Фромм понимает индустриальное общество. (К этому можно лишь добавить, что вопрос еще более обостряется в постиндустриальном обществе.)

Подробная разработка названных теорий давно стала классикой социально-психологического подхода. Однако характер социальных преобразований конца XX и начала XXI вв. в мире, и в частности в России, способствует существенному расширению представлений о социальной идентичности. Так, вводятся такие характеристики, как «временная идентичность» (time identity) и «средовая идентичность» (place identity), обозначающие соответственно осознание человеком своей принадлежности определенному Времени и определенной Среде обитания [Андреева, 2005]. В конечном счете, как справедливо отмечает В.А.Ядов, «речь идет о качественном сдвиге в восприятии человеком социального пространства» [Ядов, 1994]. Адекватная ориентация в нем теперь не может быть обеспечена только осознанием своей включенности в позитивную социальную группу, но как минимум и ощущением возможности «вписаться» в переживаемый личностью отрезок исторического времени, что в некоторых социологических концепциях обозначается как феномен «встраивания во время». Е.И.Головаха и А.А.Кроник полагают, что в сознании каждого человека формируется особая «концепция времени личности в масштабах ее [личности] жизни» [Головаха, Кроник, 1984], что в общем-то соответствует идее К.Левина о наличии у человека *временной перспективы* [Левин, 2000].

Необходимость соотнесения времени своей жизни с переживаемой эпохой означает для каждого индивида необходимость достичь адекватности собственных возможностей и возможности их реализации, даваемой данным отрезком исторического времени. «Время совершения события – насколько оно соответствует нормативным социальным ожиданиям и является своевременным или несвоевременным для данного отрезка жизненного пути?», задает вопрос И.С.Кон [Кон, 1984, с. 43]. Проблема «потерянных поколений» – это как раз проблема тех поколений, которые почувствовали себя не востребуемыми в период «проживания» ими своей жизни: ими не освоены требуемые эпохой социальные роли, не достигнуты нужные уровни образования, не схвачен новый темп течения времени. Но это и означает утрату «временной идентичности» как важного компонента процесса идентификации. Понятно, что такая темпоральная трактовка феномена идентичности особенно актуальна для эпохи бурных социальных трансформаций.

Аналогичен и удар по этому процессу со стороны «средовой идентичности», проблематика которой разрабатывается сегодня в рамках «психологии среды» (environmental psychology), иногда не вполне правомерно отождествляемой с «экологической психологией». Непосредственная жизненная среда

выступает основой идентификации личности с определенным местом ее существования и пребывания. Если в обыденных обстоятельствах для человека не столь значимо отождествление себя с каким-либо «местом», то в исключительных случаях это родство приобретает особую роль. Ностальгия по покинутой стране, «три березки» на малой родине при переезде в большой город, землячество для новобранцев в армии, любое памятное место, связанное с каким-либо значимым событием, например с первым объяснением в любви, служат основанием для «погружения себя» в определенную среду обитания. Такая идентификация порой более очевидна, чем отнесение себя к определенной социальной группе – среда воспринимается как существенная характеристика социального бытия человека. Ее показателем является процесс наделения «своей» среды определенными предпочтениями и стереотипами, особыми символами, рассмотренными в качестве позитивных характеристик «средовой идентичности».

Такое расширительное толкование социальной идентичности позволяет рассмотреть личность во всей полноте ее проявлений в широком социальном пространстве, то есть с учетом *всех* сфер, в которых трансформировано современное общество. При этом, возможно, полезно вспомнить идею солидарности Дюркгейма. Практическая значимость такого понимания идентичности очевидна: лишь при названных условиях могут быть всесторонне исследованы *поведенческие следствия* затруднений в поисках идентичности в обществе, где нарушены привычные устои. Естественно, предложенный подход может быть особенно продуктивным при рассмотрении всех факторов, осложняющих процесс самоидентификации в условиях современных социальных трансформаций, как социальных, так и психологических.

Не случайно в социально-психологическом дискурсе последних лет в качестве основной проблемы, связанной с исследованием идентичности, называется проблема *кризиса идентичности* [Andreeva, 1999; Лебедева, 1999; Иванова, 2002]. В отечественной литературе проблема освещена настолько широко, что практически не остается пространства для ее дальнейшего изложения [Белинская, Тихомандрицкая, 2009; Стефаненко, 2001; Ядов, 1994]. Отдельные авторы вводят даже понятие «кризисная идентичность» [Климов, 2001, с. 61]. В отличие от трактовки этого феномена Эриксоном сегодня проблема ставится в более общем плане. Традиционно кризис идентичности определяется как особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность.

В социально-психологической традиции кризис идентичности неизбежно связан с изменением роли еще одной переменной – референтной группы. Идея референтной группы принадлежит Г.Хаймену и заключается в том, что индивиду свойственно различать свою реальную принадлежность к некоторой «группе членства» и принадлежность к *воображаемой* группе, куда он не входит реально, но ценности которой, а также образцы поведения которой он принимает. Реальная и воображаемая группа – обе обозначают некоторый фокус идентификации. Следовательно, если и группа членства, и референтная группа утрачивают черты привлекательности, то это есть еще одно доказательство наличия кризиса идентичности [Климов, 2001, с. 62].

Разрыв между группой членства и референтной группой становится основанием для включения в процесс идентификации проблемы *ценностей*: чужая группа оказывается более позитивной, в частности потому, что ее система ценностей выглядит более привлекательной. Немалую роль в процессе такого рода «переноса» идентичности играют характеристики современной информационной среды, усугубляющие глубину кризиса. В этой связи возникает интерес к проблеме соотношения идентичности с референтной группой и с *виртуальной* группой, возможность которой предоставлена Интернетом (см. подробнее: [Белинская, 2005]).

В контексте настоящего исследования необходимо проанализировать как основные условия возникновения кризиса идентичности, так и формы его проявления. С точки зрения П.Штомпки, важнейшим фактором являются изменения жизненного мира людей, что «подрывает одно из базовых стремлений человека – стремление к «экзистенциальной безопасности» [Штомпка, 1996].

Этому способствует размах и глубина социальных преобразований, происходящих в обществе, что и приводит к упомянутому выше усложнению социального пространства. Ярким примером такого усложнения социального пространства является ситуация, сложившаяся в эпоху социальных преобразований в России, в целом повлекшая за собою *социальную нестабильность* общества. Ее

содержание – не просто эквивалент быстрых и радикальных социальных изменений, но их возможная рассогласованность, то есть одновременная смена направлений и темпа изменений, несовпадение меры их радикальности в разных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре).

Можно назвать как минимум три сферы, где такое усложнение проявляет себя и оказывает непосредственное воздействие на характер социальной идентификации.

1. С одной стороны, существенно изменяется **социальная структура** общества: утрачивают значение традиционно выделяемые в советских условиях социальные классы. Так, например, исчез класс «колхозного крестьянства», напротив, возник (хотя до сих пор и недостаточно определенный) «средний класс», структура которого разными авторами описывается по-разному. Более четко внутри классов обозначены различные социальные слои, например «олигархи», «менеджеры», «элита», в первые годы перестройки – «новые русские» и пр. Акцент на наличие социальных слоев (в отличие от наименования социальных классов) обусловил возрождение в научной литературе терминов «социальная стратификация» (взамен термина «классовая структура») и «социальная мобильность» общества.

Известно, что сегодня в социологии предложено множество различных характеристик современной социальной структуры российского общества, где называются самые разнообразные критерии для выделения различных слоев и групп. Так, в работах Т.И.Заславской называются такие группы и слои: *элита* (правящая, политическая, экономическая); *верхний слой* (крупные и средние предприниматели); *средний слой* (квалифицированные профессионалы, представители мелкого бизнеса, среднее звено управления и пр.); *базовый слой* (рядовые специалисты, рабочие, крестьяне, работники торговли); *нижний слой* (мало- и неквалифицированные работники, временно безработные); *социальное дно* [Заславская, 1997, с. 5].

Сам перечень упомянутых здесь категорий свидетельствует о том, что проблема «отнесения» себя к социальной группе становится по существу принципиально новой задачей в условиях реформируемого общества. Дело не только в возникновении новых социальных групп или исчезновении старых, но и в «расплывчатости» категорий, при помощи которых эти группы *оцениваются* в массовом сознании: сохраняется ли к ним позитивное отношение или возникает резко отрицательная оценка (например, «предприниматель» с точки зрения советского мировоззрения – это почти эквивалент «спекулянту», хотя в новых условиях – группа, вполне годящаяся для формулирования позитивной идентичности). Дополнительные трудности возникают и с *профессиональной* идентичностью, поскольку вместе с ломкой традиционных единиц социальной структуры принципиально изменяется как структура профессий, так и их престиж в обществе [Журавлев, 1998]. В этой связи по-новому трактуется понятие *успеха* в деятельности индивида с точки зрения его причастности, членства в той или другой группе. Отдельный вопрос – *этническая идентичность*, что особенно актуально в многонациональном государстве, в частности России [Стефаненко, 2004].

В целом же изменения в социальной структуре способствуют общему изменению образа мира, по существу, распаду его привычного образа, что «влечет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровнях, а также на уровне общества в целом», – отмечает Л.Г.Ионин [Ионин, 1998, с. 208].

2. С другой стороны, в рамках этой измененной социальной структуры усложняется **структура отношений**, что также может быть проинтерпретировано как своего рода социальная дезорганизация: ломаются многие привычные образцы социального взаимодействия, чему способствует растущая пропасть между доходами разных социальных групп, резкие скачки на ступенях политической и экономической карьеры и т.п. Эти колебания в структуре взаимодействий происходят не только между слоями, но и отдельными людьми, в результате чего принятие решений приходится осуществлять в ситуации крайней **неопределенности**. В интересующем нас контексте это явление порождает, по выражению Е.П.Белинской, проблему «идентичность в неопределенности» [Белинская, 2001, 2005].

Для определения своей *группы*, своего *Времени*, своей *среды принадлежности* перед человеком возникает целый ряд препятствий, прежде всего трудность принятия жизненно важных решений,

невозможность ни их контроля, ни построения сколь-нибудь устойчивого прогноза. В частности, достаточно шаткими становятся представления о «карьере», «успехе», «процветании». Эти представления во многом зависят теперь от новых механизмов познания социального мира: перехода от *доверия* к официальным решениям к требованию их *аргументации*, то есть допущения (в каких-то пределах) *инакомыслия*; отказа от черно-белой картины мира в пользу большего *плюрализма* не только мнений, но и решений и соответствующего повышения собственной ответственности [Андреева, 2005]. По мнению Баумана, глубина такой переориентации обусловлена не просто заменой одних традиций другими, но именно состоянием постоянного сомнения, что и заставляет «более изменчиво понимать себя». При этом своеобразная «сшибка», коренящаяся в изменившихся условиях социального познания, естественно, окажет свое влияние на формирование социальной идентичности как целой социальной группы, так и отдельного индивида (что может привести опять-таки к деформации и социальной, и личностной идентичности, причем в последнем случае – непосредственно к патологическому результату).

Возможно, что ситуация неопределенности по отношению к восприятию человеком себя и своего места в обществе особенно «чувствительна» именно в России: весь стиль жизни «в прошлом» содержал позитивную оценку всякой стабильности, определенности, четкости, «заданности». Определенность в общественной жизни воспринималась как норма, а всякая чрезмерная подвижность (в том числе ценностей, представлений) – как нежелательное и опасное явление. Жизненная ориентация личности в значительной степени была связана не с инновациями и изменениями, а с постоянством, устойчивостью и пр.

Ситуация радикально поменялась с началом перестройки. В ряде исследований 90-х годов были проанализированы данные, касающиеся влияния нестабильности, возникшей в этой связи, на подростков [Андреева и др., 1997]. В частности, было выявлено, что трудности с установлением собственной идентичности распространяются в этой группе не только на представления о настоящем, но и на представления о будущем. Этому способствует и очевидный сдвиг в выборе групп идентификации. Общей характеристикой этого сдвига служит показатель, выявленный в социологических, и психологических исследованиях 90-х годов, а именно изменение предпочтений в выборе групп идентификации: чаще всего в качестве таких групп выбираются наиболее «близкие» группы (семья, друзья, сверстники и пр.); следующий набор групп – это коллеги, люди той же профессии, того же достатка, той же национальности; и лишь в последнюю очередь – своеобразная «периферия»: люди тех же политических взглядов или в целом – россияне [Данилова, 2000].

По-видимому, здесь имеет место особо существенное затруднение «в отнесении» себя к далеким, абстрактным, малопонятным группам и ощущение некоторой надежности отождествления себя с тем, что доступнее и ближе. В целом же, как отмечает Н.М.Лебедева, возникает «ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменяющейся социальной реальности» [Лебедева, 1999]. Отсюда – налицо доминанта идентичностей с первичными группами, что, несомненно, связано с трудностями и растерянностью индивидов перед общим новым рисунком социальной структуры общества.

В социологической литературе неоднократно высказывается идея связи отмеченного явления именно с условиями трансформирующегося общества [Данилова, 2005]. З.Бауман при этом делает особый акцент на установившуюся эпоху *постмодерна*: «...проблема идентичности эпохи модерна заключалась в том, как ее построить и сохранить ее целостность» [Бауман, 2002, с. 154]. Иными словами, если в прошлом акцент ставился на том, что у личности была мотивация получить достаточно надежную «нишу» в многообразии существующих групп и социальных общностей, то сегодня же самое главное – как индивиду *избежать* излишне устойчивой фиксации своей идентификации с определенной группой. Причина – трудно охватываемый набор новых, изменяющихся групп, подвижные рамки между ними.

Другая сторона этой же проблемы – перекося в сторону характеристик личностной идентификации по сравнению с социальной (акцент на собственную тождественность и неповторимость, а не на членство в группе) [Deschamps, Devos, 1998]. Возможно, при этом субъективно возрастает уверенность в том, что при этом более эффективным представляется поиск *смысла* в определении собственной тождественности, а не места в этом мире, что на уровне эмпирических исследований

проявляет себя в поиске новых ценностей. Специфический вклад в решение этой проблемы вносит и информационная среда, что, впрочем, требует специального рассмотрения именно с точки зрения воздействия информационного пространства на формирование как социальной, так и личностной идентичности [Белинская, Тихомандрицкая, 2009].

3. Особый фрагмент проблемы – трудности самоидентификации в связи с развивающимся процессом *глобализации*. Сама идея глобализма не является новой для обществоведения: она достаточно давно завоевала свое место в разработке проблемы исторического прогресса. Как отмечает Штомпка, «Появляются различные новые образы мира, причем некоторые из них находят отражение в специфических концепциях глобализма или антиглобализма. Эти образы становятся независимыми причинными переменными, формирующими тенденции к глобализации, то есть будучи порождениями глобализации, они превращаются в ее детерминанты» [Штомпка, 1996, с. 131]. В ситуации современной России весьма специфичный эффект приобрело одновременное сплетение радикальных социальных преобразований внутри страны и все более очевидно проявляющихся шагов глобализации.

При этом необходимо иметь в виду глубоко специфичные условия России в этом контексте, на что неоднократно обращал внимание в своих работах Г.Г.Дилигенский. Он фиксировал тот факт, что «... определенное восприятие «другого», и, прежде всего западного мира, образует органический, структурный компонент национального самосознания, идентичности русского народа» [Дилигенский, 2000, с. 17] и сегодня воспринимается массовым сознанием как нечто идущее с «Запада», и потому, так или иначе, этот процесс связан с дополнительными «трудностями» идентификации. По мнению Т.П.Емельяновой, возникшая ситуация может быть также рассмотрена как проявление кризиса идентичности, которую автор обозначила как «кризис вхождения» [Емельянова, 2006].

Целесообразно в данном случае вновь привести слова З.Баумана о том, что «проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, *какую* идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать *другой* выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [Бауман, 2002, с. 185]. Поэтому все новые и новые попытки индивида определиться со своей идентичностью приводят к тому, что в глобальном обществе уместнее говорить о процессе *идентификации*, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или сознательно вовлечены» [Там же. С. 192].

В многочисленных характеристиках процесса глобализации – экономических и политических – обязательно подчеркивается мысль и о том, что общество становится *поликультурным*. Последнее имеет непосредственное отношение к проблеме идентичности [Андреева, 2009]. На уровне фундаментальной науки эту связь можно раскрыть при помощи понятия «возможная идентичность», что предполагает умение личности вписаться не только в определенную группу или эпоху, но и рационально соотносить свое *прошлое, настоящее и будущее*, что представляет собой конкретизацию временной идентичности. В ситуации наступающей глобализации особое значение для личности приобретает и оценка ее прошлого, и проектирование ею своей будущей идентичности. «Прошлое» в данном случае важно в том отношении, что существование групп в нем удобно сравнить с их существованием сегодня благодаря *коллективной памяти* [Емельянова, 2006]. Такое сравнение позволит, в том числе, решить вопрос о том, становится ли более позитивной оценка «сегодняшних» групп, вписывающихся в процесс глобализации. Это может послужить и тому, как будет строиться отношение к самому процессу глобализации.

Что же касается прогнозирования *будущей* идентичности, то глобализация ставит здесь ряд весьма трудных задач. Трудность, прежде всего, в том, что приходится принять в расчет (спрогнозировать) наличие новых социальных групп, новых темпов и моделей исчисления времени, возможно – особых типов сред обитания. Конкретный вопрос – выбор будущей группы принадлежности при учете глобальных изменений ситуаций и обстоятельств, в том числе изменений уровня *значимости* новых возникающих групп, – деятельность огромной сложности. Нельзя недооценить значение еще и определенного *ценностного* аспекта: идентичность всегда связана с предпочтением некоторого набора ценностей. Такое свойство глобального общества, как его *поликультурность*, делает вопрос об иерархии выбираемых в будущем групп идентификации особенно трудным: сохранит ли

выбранная «мною» группа в будущем свою позитивную характеристику, когда при выборе я имею достаточно ограниченную информацию о том, какова будет в глобальном обществе «цена» приемлемых для меня сегодня ценностей?

Перечисленные здесь процессы настолько сложны для «рядового человека, что не случайно в социально-психологическую литературу перекочевал из патопсихологии термин «травма». По мнению Штомпки, *социальная травма* означает разрушение оснований символов, смыслов и значений социальной реальности, обесценивание накопленных предшествующим жизненным опытом правил социальных действий [Штомпка, 1996]. Такие события приводят к нарушению устоявшегося образа жизни, образа мысли и действий людей, способов принятия решений. Но это означает, что травма заключается не только в ломке представлений о социуме и об индивидуальной судьбе отдельного человека. Ломается также привычная стратегия поведения и действий. Дополнительный фактор – возникновение особого рода *страхов*, распространяющихся в обществе [Шубкин, 1998].

Все это порождает растерянность, по выражению Штомпки, «утрату интеллектуального компаса» для рядового человека». При этом еще раз становится очевидным, что влияние на процесс идентификации может проявить себя одновременно и на уровне социальной идентичности (то есть при выборе группы принадлежности), и на уровне идентичности личностной (то есть при поиске индивидом собственной целостности и тождественности). Соответственно этому видоизменяются и оба вида поведенческих стратегий. Именно поэтому проблема любой травмы становится проблемой социальной травмы.

Своеобразное проявление травмы – возникновение *негативных* идентичностей, когда целая группа рассматривается не просто как «другие» или «чужие», но как источник угрозы и опасности. Поэтому возникает особое *табу* на идентификацию с такой группой. Наиболее болезненное проявление такой опасности с нарушением идентификаций описано в современной психологии здоровья [Бовина, 2008]. Ряд проблем, обсуждаемых в этой области, имеют более широкое значение при разработке проблем идентификации. К ним, в частности, относится использование здесь понятия *стигма*, обозначающего наложение клейма на группу, воспринимаемую негативно, например на группу больных СПИДом. Такие *негативные* идентификации – тоже примета времени в условиях кризиса.

Другой фрагмент – конструирование своей новой идентичности *больным человеком*, а также нарушения в этом процессе. Следовательно, и с этой точки зрения вырисовывается необходимость междисциплинарного исследования, позволяющего рассмотреть всю совокупность факторов, способствующих разрыву кризиса идентичности в современном обществе.

В связи с анализом проблемы социальной идентичности в кризисном обществе, естественно, встают вопросы об инструментарии исследований в этой области. Давно облюбованный и социологами, и социальными психологами тест М.Куна и Т.Макпартленда («Тест двадцати ответов») использован неоднократно и дал неплохие результаты [Ядов, 1993; Социальные трансформации в России, 2005; Данилова, 2005].

Как известно, двадцать ответов на вопрос «Кто Я?» распределялись по четырем группам: А – физическое Я (объект во времени и пространстве), Б – социальное Я (место в группе, социальная роль); В – рефлексивное Я (индивидуальный стиль поведения, предпочтения), Г – трансцендентальное Я (живое существо, часть вселенной) [Качанов, Шматко, 1993]. Для первой части исследования, о которой и шла речь в настоящей статье, целесообразно вновь обратиться к указанной методике, дополнив ее некоторыми новыми элементами, актуальными именно в плане анализа социальной идентичности не *вообще* в условиях кризисного общества, а в условиях *данного* этапа кризиса. Но это лишь одна сторона дела. Как отмечалось выше, задуманное исследование предполагалось как междисциплинарное, поскольку «нарушения» или «трудности» (не будем сейчас придирается к словам!) самоидентификации должны быть рассмотрены одновременно в рамках двух дисциплин: социальной психологии и патопсихологии.

В этой связи, естественно, встает целый ряд методических и методологических вопросов. Простейшее решение, по-видимому, будет заключаться в том, чтобы просто *сопоставить* два ряда данных, полученных традиционными для каждой из участвующих дисциплин методами. Но следует попытаться предложить более сложный подход. Во всяком случае, для разработки первой части

проблемы, что и было предметом настоящей статьи, такие попытки уже были предприняты, например, в указанном исследовании под руководством В.А.Ядова. Тем не менее для междисциплинарного исследования остается еще много нерешенных проблем.

В теоретическом плане есть необходимость более детально проработать вопрос о роли *социальных представлений* в формировании социальной идентичности. Эта идея приобретает все большую популярность в связи с развитием новой, конструкционистской парадигмы в социальной психологии [Gergen, 1994]. Рассмотрение социальных представлений как компонента идентичности представлено как в зарубежной [Dois, 1998], так и в отечественной социальной психологии [Емельянова, 2006].

Особо стоит вопрос об эмпирических исследованиях в этой области и о совершенствовании методического инструментария. До сих пор не вполне ясно, в частности: 1) возможно ли использовать группу ответов «А» как показатель личностной идентичности и тем более в качестве возможного способа интерпретации наличия «нарушения» этого процесса? 2) как расценивать, с этой точки зрения, соотношение количества ответов группы «Б» и группы «А» (в приведенных исследованиях традиционно отмечается превалирование ответов группы «Б») – уместно ли здесь выявить какую-либо патологию? 3) наконец, самое главное – как выявить сам *механизм* формирования идентичности «в норме» и в «патологии» в конкретных условиях кризиса идентичности в трансформирующемся обществе.

Понятно, что ответы на все эти вопросы могут быть даны лишь в результате целой серии эмпирических исследований, что и должно быть предметом дальнейшей работы.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-06-00257а «Социально-детерминированные формы нарушения самоидентичности».

Литература

Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Андреева Г.М., Хелкама К., Дубовская Е.М., Стефаненко Т.Г. Уровень социальной стабильности и особенности социализации // Вестник Московского университета. 1997. Серия 14, Психология. № 4. С. 25–30.

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Андреева Г.М. Личность в поисках идентичности в глобальном мире // Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2009.

Бауман З. Идеализированное общество / пер. с англ. В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2002.

Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001.

Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М.: Академия, 2009.

Бергер П., Лукман Т. [Berger P.L., Luckmann T.] Социальное конструирование реальности. М.: Аспект Пресс, 1995.

Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.

Данилова Е.Н. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005.

Джеймс У. [James W.] Психология. М.: Педагогика, 1991.

Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. 2000. N 5. С. 5–19.

Дюркгейм Э. [Durkheim E.] Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.

Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: ИП РАН, 2006.

Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19, N 3. С. 3–16.

Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. N 2. С. 5–23.

Иванова Н.И. Исследование социальной идентичности у студентов педагогических вузов // Идентичность и толерантность. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998.

Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Семантические пространства социальной идентичности // Социальная идентификация личности. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1993.

Климов И.А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 54–81.

Кон И.С. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984.

Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20, N 3. С. 48–58.

Левин К. [Lewin K.] Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

Социальные трансформации в России / ред. В.А.Ядов. М.: Флинта: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2004.

Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформации идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 11–30.

Тернер Дж. [Turner J.] Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003.

Фромм Э. [Fromm E.] Революция надежды. СПб.: Ювента, 1999.

Штомпка П. [Sztompka P.] Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Шубкин В.Н. Страх как фактор социального поведения // Социологический журнал. 1997. N 3. С. 48–69.

Эриксон Э. [Erikson E.] Юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Эриксон Э. [Erikson E.] Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.

Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. N 1. С. 35–52.

Andreeva G.M. Das Problem der Identität im Prozeß der radikalen sozialen Umgestaltung Rußlands // Steiner H., Jadow W. (Hrsg.). Russland – wohin? Berlin: Trafo, 1999. S. 67–72.

Augoustinos M., Walker I. Social cognition. An integrated introduction. London: SAGE, 1995.

Deschamps J.-C., Devos T. Regarding the relationship between social and personal identity // Worchel St., Vorales F., Paez D., Deschamps J.-C. (Eds.). Social identity: International perspectives. London: SAGE, 1998. P. 1–12.

Dois W. Social representations in personal identity // Gergen K. Realities and relationships. Soundings in social construction. London: Harvard University Press, 1994. P. 21–26.

Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // S.Worchel, W.Austin. (Eds). Psychology of inter group relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Turner J.C., Oakes P.J. Self-categorization Theory and social influence // Paulus P.B. (Ed.). The psychology of group influence. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989. P. 233–275.

Поступила в редакцию 8 сентября 2011 г. Дата публикации: 15 декабря 2011 г.

[Сведения об авторе](#)

Андреева Галина Михайловна. Доктор философских наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: editor@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421100116/0060.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)